
Фрагмент Главы III книги "История русской философии. Часть II. XIX век."

Оригинал здесь: [Библиотека Якова Кротова](#).

1. Разрыв с церковным мировоззрением, начавшийся во второй половине XVII века и достигший в XVIII веке своего полного выражения, поставил на очередь, как мы видели, вопрос о создании новой идеологии. Первые построения этой новой идеологии выдвигали программу гуманизма, обоснования которого искали в чистой морали, часто - в "естественном праве". Но уже к концу XVIII века моралистический гуманизм осложняется привнесением в него эстетического принципа, - и эта форма гуманизма, восходящая к шиллеровской идее "Schöne Seele", надолго становится русской идеологией. Русская интеллигенция, оторвавшаяся от Церкви, ищет действительно в эстетическом гуманизме своего вдохновения, опирается на него в своих общественных движениях. Но в русской интеллигенции осталась, как мы видели, одна черта - из бывшего церковного сознания - мы назвали ее "теургической идеей". "Теургическое беспокойство" держало мысль и совесть на высоте историософского универсализма, - именно так и развилась и окрепла в русской интеллигенции ее обращенность к "всечеловеческим" темам, ее напряженная и несколько суетливая занятость вопросами человечества "вообще".

Этот историософский универсализм таил в себе, по самому существу своему, неизбежность возврата к религиозным вопросам, - во всяком случае, он пробуждал и питал религиозные силы души. Действительно, несмотря на яркое и победное развитие духа секуляризации, уже в том же XVIII веке видим мы возврат к религиозному миропониманию, а в XIX веке Лабзин, Сперанский и различные мистические движения эпохи Александра I все настойчивее выдвигают религиозную идею, как основу новой идеологии. Наконец, в творчестве Чаадаева идея Церкви получает такое глубокое, основоположное значение, что самый смысл истории уже не может быть раскрыт вне идеи Церкви. Надо только иметь в виду, что построения Чаадаева - помимо того, что они остались неопубликованными (за исключением первого "Философического письма"), - не могли иметь прямого влияния уже по одному тому, что Церковь, как сила истории, по Чаадаеву, проявила себя лишь на Западе, Россия же (в первых построениях Чаадаева) остается вне действия Промысла, выпадает из "тайны времени". Но в таком случае религиозная позиция Чаадаева не давала ничего для построения русской идеологии, - что мы и наблюдаем на тех, кто переходил в католичество: в России им нечего было делать... [1] Но вслед за Чаадаевым выступают другие мыслители, которые так же горячо и вдохновенно защищают примат идеи Церкви, только "истинную" Церковь они находят не в католичестве, исторически чуждом России, а в Православии, с которым срослась Россия. Это обстоятельство сообщает религиозной позиции указанных мыслителей возможность творчески оплодотворить идеологические искания русской интеллигенции. И действительно, те религиозные мыслители, которые связали себя с православной Церковью, становятся вождями и вдохновителями большого и очень творческого, очень смелого движения, которое ищет в церковном создании ответа на все сложные и мучительные вопросы жизни. Этим было положено начало очень глубокому и плодотворному течению и в русской философии.

Среди этой новой группы на первом месте мы ставим Н.В. Гоголя - не по хронологическим соображениям, а потому, что в нем ярче, чем у других, выразилось разложение морального и эстетического гуманизма; Гоголя можно без преувеличения назвать пророком православной культуры. В этом выразилось его участие в развитии русской философской мысли, в этом громадное значение Гоголя в диалектике духовной жизни в России XIX века.

2. Николай Васильевич Гоголь (1809-1852) - один из творцов новой русской литературы, гениальный писатель, но не менее замечателен он и в своих религиозных исканиях. Он долгое время оставался не понят не только русским обществом, но даже русской церковной мыслью [2], и лишь уже в XX веке начинает раскрываться то, что внес Гоголь в сокровищницу русской мысли. Литературная слава Гоголя долго мешала принятию его идейного творчества, - кто только не осуждал Гоголя за то, что он свернул с пути художественного творчества! А в трагическом сожжении 2-го тома "Мертвых душ", глубочайше связанном со всей духовной работой, шедшей в Гоголе, видели почти всегда "припадок душевной болезни" и не замечали самой сущности трагической коллизии, которую за других вынашивал в себе Гоголь. Нет никого в истории русской духовной жизни, кого бы можно было поставить в